

Вера Колочкова

Малина Смородина

Вера Александровна Колочкова

Малина Смородина

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4946170
Малина Смородина: Центрполиграф; Москва; 2012
ISBN 978-5-227-03622-3*

Аннотация

Марина Смородина на свое одиночество не сетовала, она старалась с ним «дружить», приноровиться к безмужней жизни, украсить ее житейской мудростью и юмором. В маршрутке Марина выручила безбилетного пассажира, попавшего в затруднительную ситуацию... Преуспевающий владелец бизнеса, Павел Сергеевич оказался в непривычной ситуации из-за украденной машины и увидел в спасительнице не просто добрую, отзывчивую душу. Марина охотно приняла ухаживания интересного мужчины. Но поведение окружающих сильно удивило ее. Те, для кого совсем недавно Марина была пустым местом, увидели молодую женщину словно другими глазами...

Вера Колочкова

Малина Смородина

Будильник заворковал ровно в шесть. Тихая пахмутовская мелодия проиграла первые позывные «Светит незнакомая звезда...» и деликатно притихла, чтобы через пять минут вновь зазвучать и уже без всякой деликатности протарахтеть что есть силы «Светит незнакомая звезда!». Эй ты, вставай! Не слышишь, что ли? «Снова мы оторваны от дома!» Время теряешь! Снова между нами города, черт возьми! И взлетные огни аэродрома!

Сбрасывая одеяло и одним рывком вставая с постели, Лина привычно отметила – каков мерзавец этот будильник! Вернее, тот мерзавец, кто додумался душевные песенные строчки в его нутро впихнуть. Лучше бы уж до «Марша славы» снизошел. Там, по крайней мере, четкая команда слышна – ать-два, ать-два! И без всякой лирики!

Хотя какая разница... Никто ж ее не заставляет в такую рань подниматься. Лишний часок-другой вполне могла бы сном понежиться. Имеет право, как и все остальные, которым на службу к положенному времени прибыть надо. Могла бы так же подскочить с постели тютелька в тютельку, посуется меж ванной, кухней, зеркалом да платяным шкафом и – бегом в свой обычный зарплатный день. И он проскочил бы мимо, ничем не обозначившись. Тем только, что зарабо-

танная копеечка в личный бюджет малой росинкой капнула.

Грустно, грустно об этом думать! Так и вся жизнь пройдет – в заботе об этой росинке. На бегу, в суете, в торопливости. Заработать, купить, заплатить, поужинать, спать. А жить когда? Просто постоять у окна и бездумно потаращиться в небо? Получается, и некогда. А хочется. Вот и пришлось сообразить утренний часок-другой себе в утешение. Как маленький островок посередь суеты. Как личный кусочек жизни. Вкусный, свободный, собственным женским эгоизмом приправленный.

Так. Так... Сначала надо к окну подойти, открыть настежь створку и потянуться. И постоять. И выглянуть вниз, во двор. Тишина, нет никого, лишь июньские птички щебечут. Машины стоят рядком, как усталые кони в стойлах. Хлопнула дверь подъезда – сосед собаку гулять вывел. Отпустил с поводка, переминается тоскливо с ноги на ногу. Жалеет, видно, что недоспал. А не надо собаку в таком случае заводить, если жалеешь!

Так. Теперь – к иконе Казанской Божьей Матери взор обратить, что стоит в уголке на полочке. Осенить себя крестным знамением, прошелестеть одними губами быструю молитву. В конце поклониться да прибавить к молитве свое, нахально-смирненное: «Помоги, Мать Божья, дочке моей Евгении зачет по матанализу спихнуть, не откажи глупой женщине в мелкой суетной просьбе, очень уж надо, Мать Божья, иначе ее до сессии не допустят...»

А теперь можно и музыку! Негромкую, но залихватскую, чтоб веселее было гимнастику делать. И не просто гимнастику «вздох глубокий, руки шире», а вроде танца с гантелями да с элементами матушки-йоги. Прогнуться в поясе – рука с гантелей вверх! Наклониться плавно вперед – гантели назад! И застыть, застыть подольше в позе березки! И шею тянем, от солнца жмуримся, и дышим размеренно, и чуем себя молодой девицей, тонкой и звонкой... Хорошо! Так хорошо, что и просто потанцевать можно. Уже без йоги. Сделать несколько пружинистых балетных па или по-восточному резвых движений бедрами, в зависимости от летящей из динамиков в эту секунду музыки.

Теперь водные процедуры. Размеренные, неторопливые. Постоять подольше под душем, подумать о смысле жизни. То есть и не о смысле даже, а вроде как ее, саму жизнь, поймать и рядом с собой под упругие струи поставить. Вот, мол, стоим. Вместе. Омываемся. Огромное удовольствие получаем. Вот горяченькая пошла. А сейчас холодную пустим – для контраста. Очень для сосудов полезно!

Из ванной надо выйти обязательно голышом. С капельками воды на теле. Подождать, когда сами высохнут. Походить по комнате – опять же под музыку, слегка пританцовывая. Потом натянуть шорты и майку и на кухню. Нет, не чтобы позавтракать. Это рано еще. Завтрак – вообще отдельная песня, это потом. Сначала – к холодильнику. Открыть морозилку, привычно протянуть руку, набрать мерзлых ягод малины

и смородины, ссыпать в посудинку, сунуть на пять секунд в микроволновку. Достать, размять пальцами и – на лицо. И не просто так, а с приговором – давай, мол, свежая ягодка, работай над моей красотой, не ленись. Корми витаминами, не отдавай в старость!

Смешно, наверное, со стороны вся эта процедура выглядит. Намазалась сорокалетняя дурища ягодным соком и довольна. Еще и приговаривает что-то. Может, и дурища, конечно, а только результат – вот он! Как говорится, налицо. Вернее, на лице. К законным сорока годам ни единой морщинки не образовалось. Кожа чистая, подтянутая, как у девицы. Нет, и впрямь – отличная маска. И не маска даже, а каждодневная привычка-потребность. Незатейливая и, что немаловажно, беззатратная. Всего и делов-то – малины да смородины в сезон запasti.

А может, вовсе и не в маске тут дело. Может, в знаковости. Говорят же, что судьба каждому посылает свои знаки. Для облегчения, стало быть, жизненной дороги. И у нее эти знаки – тоже свои...

Вот для чего, к примеру, ее маме, покойной Анне Васильевне Смородиной, надо было назвать свою дочку именно Мариной? Неужели ей тогда в голову не пришло, что из этого получится? Марина Смородина – какво имечко-сочетание, а? И дураку ясно, что сроду Мариной ей не бывать. С малолетства Малиной прозвали. Это уж потом в Лину переделали для удобства. Теперь и не помнит никто, что она по паспорту

Марина. А маме, наверное, тогда и недосуг было над сочетаниями задумываться. И советовать не с кем было. Ее даже из роддома, как она потом рассказывала, никто не встретил. Биологический отец-молодец пропал из поля зрения еще на стадии вынашивания беременности, а мать постеснялась за внучкой в роддом прийти. Стыдно ей было, что дочь в подоле принесла, поди ж ты. Времена тогда такие были. Стыдливые. Да и потом – не лучше. Нет, не надо сейчас о грустном...

Теперь – кофе! Варим не торопясь, с чувством, с толком, с расстановкой. С пенкой. С кардамоном. С ложкой сахара. Запах – умопомрачительный. Садимся с ногами на подоконник, наслаждаемся. Утренний воздух свеж и прозрачен, кофе горяч и крепок. На душе – лепота. На лице – ягоды. Вдохнула, выдохнула, поймала счастливую минуту. Хорошо... Самое время жить дальше. Нельзя при себе счастливую минуту долго удерживать! Иначе обидится, не придет больше. Все, все, сползаем с подоконника, идем в ванную смывать с лица ягоды. И непременно – горячей водой! Потому что следующая процедура – ледяная. Кубики льда ждут в морозильнике – аппетитные, травяные, с застывшими внутри звездочками зеленой петрушки. На лицо их, на лицо! Ледяным по горячему – ах, как хорошо! Хотя косметологи говорят, вредно. Ну, да и пусть говорят. А ей – хорошо. У каждого – своя правда.

А вот теперь, собственно, завтрак! Что-нибудь утреннее, классическое. С хорошими сытными запахами. Яичницу с

беконом, например. Можно и овсянку с фруктами сварганить, но Женька не любит овсянку. Значит, творим яичницу.

Ого... А время-то как летит! Уже и поторапливаться надо. Кусочек личной жизни закончился. Бегом в ванную – волосы уложить феном, чуть подкраситься. Потом влезть в брючный льняной костюмчик, оглядеть себя в зеркале, слегка прогнувшись и привстав на цыпочки...

– Хороша! Хороша, мам! Чудо как хороша!

Женька сонной растрепой стояла в дверях своей комнаты, глядела на мать с восхищением. Подошла, обняла горячими руками-плеточками.

– Доброе утро, мам...

– Доброе утро, доченька. Как спалось?

– Хорошо...

– Ага! Знаю я твои «хорошо»! Колись давай, когда домой заявилась? Я в первом часу заснула, тебя еще и в помине не было!

– Да ладно тебе... Ну, погуляли вчера с Денисом... Не помню я, во сколько домой пришла!

– Ох, Женька... Сессия на носу, а ты в романы ударилась! Бить тебя некому. И мне – некогда. Прихожу домой уже никакая. Устаю, с ног валюсь.

– Мам... А может, ну ее, эту твою паршивую подработку? И ладно бы действительно стоящая халтурка была. А то... Ездишь к этой старухе вампирше, только себя изматываешь!

– Нет, Женюр. Халтурка как раз и стоящая. Мне за нее

хорошо платят. Я столько ни на одной работе не заработаю.

– Мам, а давай я тоже пойду работать! Можно в «Макдоналдс», например, устроиться. Вечерами. Я узнавала, там студентов берут.

– Да ладно... Придумала тоже – «Макдоналдс»! Ты бы лучше зачет поскорее спихнула, больше бы пользы было. И еще, дочь... Ты когда меня со своим Денисом наконец познакомишь?

– А зачем тебе?

– Здравсте, зачем! Я тебе мать или кто? Думаешь, мне не интересно, с кем ты ночи напролет гуляешь?

– Да ладно, шучу я. Конечно, познакомлю.

– А он вообще кто?

– В смысле?

– Ну... Он работает, учится?

– Учится. На третьем курсе в Академии госслужбы.

– Ух ты! Чиновником будет, значит. А из какой он семьи?

– Не знаю... Из хорошей, наверное.

– Ты его родителей видела?

– Не-а... Зачем мне его родители? Нет, нам кузнец ни к чему. Что я, лошадь, что ли?

– А у вас это все... ну... серьезно? Или как?

– Серьезнее некуда, мам! Любовь у нас, понимаешь? Любовь! Самая настоящая! Со всеми вытекающими из нее последствиями!

– Господи боже мой... Какими... последствиями?!

– Ой, да не пугайся ты так... Я у тебя девушка умная, наследственную ошибку женщин Смородиных не повторю. В подоле тебе не принесу, это уж точно.

– Ну, смотри...

– Смотрю, смотрю, мам! И ты тоже смотри, на работу не опоздай.

– Ой, и впрямь! Ну все, Женечка, я побежала... Там завтрак на столе, поешь обязательно! Все, пока!

– Пока-пока, мам... А выглядишь и впрямь классно! Просто сногсшибательно!

Захлопнув дверь, она понеслась вниз по лестнице, унося с собою дочерний комплимент. Мелочь, а приятно, черт возьми! Нет, это понятно, конечно, что относительно классности и сногсшибательности – явный перебор. Никакая она не классная и тем более с ног никого не сшибает. Обыкновенная женщина из толпы. Росту среднего, масти неброской, северно-блеклой. Волосы русые, сроду не крашенные, стрижка удобным каре. Косметики – чуть. Но и законные сорок ей тоже никто не дает. Как выразилась когда-то Люся, ближайшая подруга и соседка, «слишком уж гнуча да прыгуча для сороковника». Ей и самой иногда казалось, что застряла возрастом где-то в районе двадцати. В юности то есть. Произвела на свет Женьку, там и застряла. Потому, наверное, что не заиклилась на своей участи матери-одиночки, как мама когда-то. Подумаешь, мать-одиночка! Зато у нее теперь

Женька есть. Да все, все у нее есть! И дом, и работа, и гнучесть-прыгучесть, и два утренних часа с жизнью в обнимку... И даже своя философия относительно женского одиночества с годами выстроена.

Нет, и в самом деле... Чего его так ругать, это самое одиночество? Ругай не ругай – оно от этого никуда не исчезнет. Наоборот, с ним дружить надо, если уж оно в твоей жизни приключилось. Да, тяжело. Да, холодно. Временами тоскливо. Но несмертельно же. Наоборот, надо ему улыбнуться, руку протянуть да себе во благо использовать. Как используют, например, скисшее в простоквашу молоко. Если взбить его с мукой да с яйцом да пустить на оладушки – объединение будет. Никто и не вспомнит, из чего они получились.

Ах, одиночество, одиночество, сколько тобою женских судеб загублено! И совершенно несправедливо, между прочим! Не так уж и холодна твоя берлога, как пугливо ее рисуют те, загубленные, со своею тоскою в ней застрявшие. А если прочь эту тоску? Если поднатаскать в эту берлогу веточек смирения, да листьев тихой душевной мудрости, да хвойных иголок мягкого насмешливого оптимизма, да устелить ими дно, да обуютиться, притереться, примоститься, глядишь – жизнь-то и впрямь удалась... И нет необходимости вверх карабкаться, высовывать голову да взывать с тоскою – где ты, мой сердешный мужчина-спаситель? Приди, протяни руку, вытащи меня из берлоги! Видишь, как я тут бьюсь, все коленки в кровь исцарапала, пытаюсь наружу выбраться...

И она вот так же взывала, было дело. Теперь вспоминать тошно. И забыть тоже не получается. Не дает себя забыть «спаситель», звонит хоть и редко, но регулярно. Петей спасителя зовут. Петечкой.

Поначалу, когда образовалась их связь, она даже размечталась, что все у них образуется, как в мелодраматическом сериале, где герой, вдоволь настрадавшись от стервы жены, решается на отчаянный шаг, то бишь уходит к любимой и любящей женщине, с собой даже и зубной щетки не взяв. А что? Сейчас именно такие сериальные сюжеты в моду вошли. Никто психологией всяких там «зимних вишен» не увлекается. Чем проще, тем лучше. Помучился, влюбился, порвал, ушел. И она про Петечку тоже так полагала. А зря. Хотя потом смирилась. Ну и что, пусть женат. Зато он, Петечка, ее любит. Помогает. Поддерживает. Будут какие трудности – руку протянет.

Нет, оно так все и было конечно же. И помогал, и поддерживал, и руку протягивал. И любил – раз в неделю по субботам, когда мама с Женькой к маминой подруге на дачу уезжали. А потом...

Нет, почему все-таки человек так странно устроен? Можно сделать для него десять добрых дел, а потом взять и в него же маленько плюнуть... Обидно, что запоминается именно плевков, а не предыдущие десять добрых дел! Так, наверное, большинство из нас и устроено. Потому что десять больших и добрых дел не то чтобы совсем обесцениваются, но стано-

вятся неким досадным недоразумением, неоплаченным тягостным долгом. Обидно – жуть! От обиды и обидно. Вроде как и помнить надо о десяти добрых делах с благодарностью, а тут – плевок... Так глупо люди, бывает, и разбегаются: добрые дела творящий – в одну сторону (он-то как раз про свои добрые дела помнит!), а «оплеванный» – в другую. И у каждого – своя правда. Отдельная.

Вот и с ней так же произошло. Вроде и просьба-то, к Петечке обращенная, была, по сути, так себе – маму из больницы домой привезти. На первый взгляд ничего особенного. Просьба как просьба. А Петечка прямо взъярился! Прошипел в телефонную трубку – не вмешивай, мол, меня в свои семейные дела... И акцент нехороший такой сделал на слове «семейные». Да не в акценте даже и дело было! Просто нутром почуялось в его тоне что-то для себя до жути обидное. Подстрочник какой-то. Одним словом – плевок. Трубку положила, будто утерлась. И вся любовь прошла. И мама потом умерла, недели не прошло, как из больницы выписалась.

Нет, он потом сильно извинялся, конечно. Неприятности, мол, на работе были, и кризис, и начальник злой. Он и сейчас периодически звонками извиняется. А толку? Как говорится, нет Петечки, нет проблемы. Что ни говори, а на дне собственной берлоги лучше. Уютнее как-то, надежнее. И утираться лишний раз не надо.

Нет, чего это она с утра про Петечку? Не надо, не надо! Вон автобус к остановке подруливает, как всегда перепол-

ненный. Надо сгруппироваться и протолкнуться, времени до начала рабочего дня – в обрез. Новая начальница Елена Эрастовна страсть как не любит опаздывающих.

Поначалу она была никакой не Эрастовной, а просто Леночкой. Как появилась в их многочисленной бухгалтерии – никто толком уже и не помнит. Наверное, родственница чья-то, из тех, из начальственных. Милая улыбчивая блондиночка, любительница цветных колготок, ярких журнальчиков и чего-нибудь сладенького к чаю. Сидела себе тихо в уголке, на избыток рабочих обязанностей не претендовала. Казалось бы, куда ей в начальницы? Как образно говорила экономист Таня Сибирцева, и лапоть не свистел.

Когда их главный бухгалтер, незабвенная Ксения Борисовна, запросилась на пенсию, ни у кого и вопроса не возникло, кто должен занять ее место. Все головы дружно повернулись к ней, к Лине, – вперед, Смородина! Вот и твой час настал. Чего уж греха таить, и она так думала. Но, как говорится, подчиненный предполагает, а начальство располагает. Не зря, не зря Леночка в своем уголке столько времени отсиживалась. Тут же вывели под рученьки на белый свет, представили коллективу – вот она, ваш новый главный бухгалтер. Просим любить и жаловать. Да еще и отчество у нее под стать оказалось – Эрастовна! Вполне начальственное.

А дальше и вообще у них полный бухгалтерский беспредел пошел. Как-то так получилось, что все высокооплачиваемые заботы-обязанности, которые вполне справедливо нес-

ла на себе Ксения Борисовна, незаметным образом перераспределились меж другими сотрудниками. Кроме Леночки, конечно. Простите, Эрастовны. За ней осталось, если все это красиво обозначить, только «общее руководство» коллективом бухгалтерии. Очень, очень общее руководство. Можно сказать, помпезно-символическое. К тому же она еще и весьма болезненной оказалась. Очередной приступ неведомой болезни случался аккурат накануне квартального отчета, тютелька в тютельку. Да это в принципе и ничего, они только рады были. Не лезет в напряженную минуту со своим «общим руководством», и на том спасибо.

Опа! Задумалась, чуть свою остановку не проехала! Хорошо, сзади дядька какой-то ее к выходу тараном пропер, иначе бы не успела. Но пуговицу на кармане жакета оторвали-таки. Начинается рабочий день, прости меня Господи...

– Привет, Лин! Да не беги, не опаздываем еще!

Цепкие пальцы Тани Сибирцевой ухватили ее за локоток. Возя ладошкой по карману с оторванной пуговицей, она прокрутилась вокруг себя, рыская взглядом по асфальту. Может, пуговица вместе с ней из автобуса выскочила?

– Что с тобой, Лин? Потеряла чего?

– Да вот, пуговица... Где я теперь такую найду?

– А, ерунда! Оторви от другого кармана, и все дела! Будто так и было!

– Да? И впрямь... И что бы я без тебя делала, Тань?

– Та пропала бы, як та дивка на сеновале! Смотри, смот-

ри, наша-то Эрастовна... На новой машине прикатила! Да не зырь так нагло, чуть голову вправо поверни... Ишь, картинка! Чистый Голливуд! Песня! «Коламбия пикчерз» не представляет!

Картинка была действительно та что надо картинка. Искрящаяся металлическим серебром новенькая иномарка неуклюже втиснулась в ряд машин, припаркованных около входной двери офиса, моргнула закрывающимися тонированными стеклами. Тут же из распахнутой дверцы показалась ножка в туфле-лодочке, потом другая, потом и сама Леночка Эрастовна выпорхнула нежной бабочкой. Элегантная – жуть! Костюмчик, причесочка, строгое выраженьице лица. Сумочка, папка с бумагами под мышкой. Процокала пару шагов по асфальту, нежно повела ручкой назад, и машина радостно пискнула, закрываясь на все замки.

– Слушай... Мне вот интересно – чего она в папке носит? – задумчиво проговорила Таня ей на ухо. – Журналы, наверное? «Космополитен», «Караван», «Дом-2»?

– Ну почему сразу – журналы? Может, вообще ничего не носит? – в тон ей так же задумчиво изрекла Лина.

– Думаешь, так, для понтов?

– Да ладно тебе, Тань! Чего мы к девушке привязались? Говорят, завидовать надо молча.

– А и действительно! Ох, не любим мы, старые гримзы, молодых, способных и талантливых! Так и норовим слюной зависти подавиться! Сейчас еще и машину пойдем поцара-

паем!

– Тань, уймись!

– А машинка, гляди, ничего себе... Дорогая, наверное. Отчего ж такую дороговизну и не позволить – при большой-то зарплате и можно. Заслужила девка, чего тут скажешь. От каждого – по способностям, каждому – по потребностям. В твои потребности такая машинка не вписывается, а, Смородина?

– Нет. В потребности не вписывается. Только в способности.

– Ну... Способности – это дело десятое. Способности нынче за руль приличной машины нестроишь. Вот если б ты была племянницей шефа, то одно бы другому не мешало. А так... Приходится лишь со способностями жить, а потребности куда подальше засунуть. В общем и целом все закономерно.

– А она что, и правда его племянница?

– Ну да... А ты не знала?

– Не-а...

– Правильно, где тебе! Ты ж от бумаг головы поднять не можешь, и посплетничать толком некогда.

– Тань, пойдем быстрее! Сейчас она поднимется в офис, а потом скажет, что мы опоздали!

– Пойдем...

День взорвался проблемами сразу, как только она успела плюхнуться в кресло и включить компьютер.

– Лина, вы где?! – ахнула в телефонную трубку секретарша Даша. – Все уже собрались, вас ждут!

– Где ждут? – оторопела от ее напора Лина.

– Как – где? На совещании! С докладом по готовности к отчету за первое полугодие!

– Но... Так... Елена же Эрастовна...

– А она сама вчера вас на совещание и записала! Вы что, не в курсе?

– Нет...

– Ладно, чего уж теперь... Хватайте бумаги и бегите скорее! Иначе попадет и вам, и мне!

Подпрыгнув в кресле, Лина суетливо захлопала ладонями по лежащим на столе бумагам, как курица крыльями. Господи боже мой, Леночка! Несчастливая ты Эрастовна! Понятно, что вусмерть боишься на совещании некомпетентностью припозориться, но предупредить-то могла?

Пробегая мимо стеклянной стены Леночкиного кабинета, она с трудом подавила желание стукнуть по ней кулаком. Разбить, чтоб звон стоял! Хотя сама Леночка, судя по всему, ее негативных поползновений даже и не заметила. Чаепитием была занята. Красиво держала в оттопыренных пальчиках шоколадную конфетку, задумчиво смотрела в окно. Красота, Голливуд отдыхает. И «Коламбия пикчерз» тоже.

– Смородина! Вам что, особое приглашение надо?

Олег Петрович, исполнительный директор, так раздраженно блеснул в ее сторону очками, что явно услышался

в этом раздражении перебор. Все правильно – так удобнее свою неловкость скрывать. За племянницу, которая при охрентельной зарплате чаек попивает. А ей, бедной Лине Смородиной, сейчас наподдают и в хвост и в гриву...

Хотя ничего, вроде обошлось. Сумела-таки выплыть, в цифрах сориентироваться. Отчиталась без подготовки, соображая на ходу, как Штирлиц перед Шелленбергом.

– Лин... Тут на тебя Елена Эрастовна ругалась, справку какую-то искала... – шепотом доложила ей сидящая напротив Катя Стогова, когда она вернулась с совещания, – даже в столе рылась...

– Ах да! Я помню, помню. Сейчас сделаю.

– А еще она сказала, что у тебя в документах полный бардак.

– Ну, оно понятно... Конечно, бардак. Как в том анекдоте. Я хоть и не читал, но осуждаю.

– Ага! Ага!

Катя, заметно приободрившись, собралась было продолжить насмешливый диалог, очень уж ей не терпелось пройтись по Леночке, бывшей своей приятельнице, сделавшей головокружительную и такую «обидно-несправедливую» карьеру, но пришлось невежливо махнуть в ее сторону рукой – отстань, мол. Не до разговоров сейчас. Справку для налоговой службы действительно надо бы сделать поскорее. Пока опять не отвлекли...

– Лин, обедать пойдешь?

Вздвогнув, Лина с трудом отцепила глаза от экрана компьютера, подняла их на стоящую над столом Таню Сибирцеву.

– А что, уже обед?

– Да, обед, Золушка ты моя несчастная! Так пойдешь?

– Не, Тань... Мне справку закончить надо, и я еще в магазин должна успеть сбегать, продукты купить.

– Для старухи своей?

– Да, для Станиславы Васильевны.

– А что, вечером нельзя?

– Не... Пока я доберусь до нее, пока в супермаркете прошахаюсь... Вечером там народу больше, ты же знаешь.

– Тогда я тебе принесу чего-нибудь пожевать! Хочешь?

– Хочу. Спасибо, Тань.

– Да ладно... Загнешься ты со своим выживанием, Смородина! С голодухи помрешь.

– Не помру! Я стожильная. Гнучая и прыгучая.

– Давай, давай, прыгай...

Снова уставившись в экран монитора, Лина моргнула досадливо – ну вот, с мысли сбила! Ладно, черт с ней, со справкой. Там работы осталось – на десять минут. Правда, могут из налоговой позвонить... Но ничего, она с ними договорится! А вот если с обеда чуть опоздает, это уже хуже будет. С Леночкой Эрастовной договориться гораздо сложнее. Внесет в список опоздавших, и прости-прощай премия.

На улице была благодать. Свеженькое, только что наро-

дившееся лето. Эх, погулять бы сейчас, на скамеечке посидеть в скверике... Или в уличном кафе с Танькой, за чашкой чая, лениво посплетничать, поглазеть на прохожих. Жаль, нет у нее времени на маленькие удовольствия. Даже и мысли об удовольствиях отбросить надо, потому как покупка продуктов для Станиславы Васильевны – процесс особенный, требующий крайней сосредоточенности.

Нет, можно подумать, старушка всю жизнь только и делала, что занималась покупкой отборных продуктов! Где они, отборные, были в ее молодые годы? Сама ж рассказывала, как в очередях за ливерной колбасой да ржавой селедкой стояла. Зато теперь! Откроет упакованную пачку с творогом и нюхает ее полчаса. Потом скривит и без того сморщенное лицо и заявляет – пахнет. Чем и как может пахнуть свежайший творог? Творогом и пахнет. Про мясо уж и говорить нечего. Вон, к примеру, лежит на прилавке розовая телятина. С какого боку ни посмотри – не придерешься. купишь ей эту телятину, а она скажет – фу, импортная. Лекарством пахнет. Нет, оно понятно, конечно, что старушка вредничает, себя как барыню перед ней пытается обозначить, но не до такой же степени! И что за мода нынче пошла – изо всех сил культивировать в себе барские замашки?

Старушку эту ей сосватала бывшая приятельница Тамара. Бывшая, потому что сама ненароком в «барыни» пробралась, удачно пристроившись в тещи к преуспевающему бизнесмену. Тут же от их совместного приятельства остались

лишь рожки да ножки. Нет, поначалу Тамара ей звонила, конечно. А потом все изменилось как-то. Чем дальше, тем больше стали проскальзывать в ее голосе нарастающие нотки снисходительности. Вроде того – тебе моей теперешней жизни не понять. Трудна, трудна теперь моя жизнь, и не представляешь даже, как это тяжело: то за новой шубой в Милан мотаться, то в салоне на процедурах по три часа торчать... Такая, мол, усталость после всего этого наступает, с места сдвинуться невозможно! Она слушала, усмехалась понимающе. Очень уж хотелось Тамаре ее благоговения. Вот интересно, что им там, без чужого благоговения, труднее живется, что ли? Или это дополнительный атрибут к шубе и салону, как аксессуар к платью?

А однажды Тамара позвонила и с места в карьер огорошила – я тебе крутую халтуру нашла, радуйся! К старушке одной вроде как в компаньонки. Стирать-убирать не надо, это все приходящая домработница делает. А со старушкой просто общаться надо. Приехать вечером, продуктов привезти, под ее чутким руководством ужин приготовить, потом вместе его съесть. Вроде как две приятельницы встретились, побеседовали, приятный вечерок провели. Вроде как игра такая. Дочка у старушки, видишь ли, заботливая очень и готова щедро оплатить все общибельные мамины удовольствия. Сама дочка не может – ей давно уже эти удовольствия поперек горла стоят. Подумав, она согласилась. Очень уж деньги были нужны.

В Женькином институте аккуратно плату за учебу повысили.

Поначалу все действительно шло как по маслу. Дина, та самая дочка, оказалась дамой хоть и нервной, но вполне ничего себе. В общении дальше пуговиц, естественно, не пускала, но относительно своего детства хорошо пооткровенничала. Судя по рассказам, проведено было детство в тяжелых условиях материнской всепоглощающей любви, а юность – в сплошной героической борьбе против этого самого разрушающего психику поглощения. Что ж, бывает. Стало быть, отголоски той борьбы ей и придется принимать на себя в ежевечерних разговорах с Дининой матушкой. У каждого своя жизнь и свои причуды. Если старушка готова довольствоваться суррогатом нынешней дочерней любви и заботы, отчего ж нет?

В общем, приступила она к странной «халтуре» поначалу даже с энтузиазмом. Каждый вечер после работы, купив продуктов, мчалась к Станиславе Васильевне. Та ее поджидала, встречала с радостью. Вместе ужин готовили, беседы беседовали. Вернее, беседовала в основном старушка, болтливой оказалась до невозможности! И не просто болтливой, а с претензиями, как это часто бывает у старых людей, на свою исключительную человеческую мудрость, составленную из долгих семидесяти прожитых лет. Хотя и не стояло за той болтливостью никакой особенной мудрости. Обида была, а мудрости – нет. Великая была обида на всех и на вся. На мужа, который бросил, на детей, которые мате-

ринскую самоотдачу не оценили, на жизнь, которая взяла и подло прошла, подсунув под конец вместо детей и внуков лишь ее, Лину, смиренно исполняющую оплаченное общение. Слушая ее, Лина лишь тихо вздыхала про себя – «Хороша ж ты была, матушка, со своей самохваленой мудростью, если даже внуки тебя теперь за версту обходят!»

Тем не менее старушка к ней привязалась. А привязавшись, капризничать начала, губки недовольным бантиком жать. Иногда и спесивый упрек себе позволяла. Вроде того – плохо отрабатываешь дочкины деньги, которые она тебе за меня платит. Матушкина спесивость перекинулась и на Дину, как инфлюэнца, стала Дина поглядывать на нее с подозрением. Хотя и платила деньги честно, по уговору, но в одночасье отчета потребовала, сколько она из этих денег на продукты тратит. То есть не подворовывает ли. Ужас, как было неприятно! Первая мысль была – психануть, отказаться, разорвать все договоренности, но потом вторая пришла мысль, более здравая. Никаких психозов они от нее не дождутся. Дали работу – она ее выполняет, честно и добросовестно. Проверить решили – ваше дело, все чеки на купленные продукты собрать можно. Последнее дело – из-за чужих проблем психовать!

Кстати, о чеках. Не забыть бы. Сегодня аккуратно ей Дина встречу назначила – должна за ней на работу заехать да отвезти к маме. А по дороге полный отчет получить. Потом зарплату на следующий месяц выдать. Зарплата – это хоро-

шо, это очень даже вовремя. За Женькину учебу надо очередную плату вносить, да и гардероб девчонке обновить не помешало бы. Лето пришло, а ей надеть нечего. Тем более кавалер у нее завелся какой-то особенный. Видно же, что влюблена по уши. Так что пусть гордая Дина по-всякому смотрит, хоть прямо, хоть кособоко, ей все равно. Сама-то Дина небось к маме в квартиру и не поднимется даже. Высадит у подъезда, и все. У нее после Станиславы Васильевны, как она говорит, неделю вся кожа чешется.

О, а на кассе уже и очередь образовалась, как же это она проворонила? Не надо было столько времени телятину разнюхивать, бросить в корзину не глядя. В любом случае старушка придирами изойдет. Пора бы уж привыкнуть и внимания не обращать. Черт, как очередь медленно продвигается...

С перерыва она таки опоздала, аж на четыре минуты. В дверях бухгалтерии монументом стояла Леночка Эрастовна, выставив вперед ножку и заложив руки за спину.

– Что это такое, Лина Васильевна? Вы хотите, чтобы я вас оштрафовала?

– Разрешите пройти, пакеты тяжелые...

– Ах, вы еще и хамите?

– Да упаси бог, Елена Эрастовна. Какое же в тяжелых пакетах хамство? Хотя, может, вы и правы. Действительно, хамство.

– Что... вы имеете в виду?

– Да ничего. Тяжело, говорю! Все руки оттянула.

– Ну, знаете!

Вздернув лисий подбородок вверх, Леночка, провожаемая насмешливыми взглядами сотрудниц, процокала каблуками в свой начальственный закуток. Катя Стогова, высунувшись из-за монитора, прошептала сочувственно:

– Ну, все, Лин... Сейчас тебя в черный список внесет. Чего ты опоздала-то?

– Да в кассу очередь была...

– Ну так и сказала бы ей!

– А толку? Ей же не объяснения мои нужны, ей надо общее руководство осуществлять. Стращать, пальцем грозить, работу работать. Вот пусть и старается.

– Ты так говоришь, будто тебе по фигу. Будто и не обидно даже.

– Отчего мне должно быть обидно, Кать?

– Ну... Что ее вместо тебя назначили. Я бы так не смогла, например. Я бы сразу уволилась. А ты... Вместо на нее на совещания бегаешь...

– Нет. Мне не обидно. Я умею принимать все как есть. Да и вообще... Обида – чувство вредное и для организма неудо-
боваримое. Я лучше другими делами займусь. Вот справку, например, закончить надо.

– И все равно я бы так не смогла! Хотя бы из гордости воевать стала.

– С кем? С ветряными мельницами? А чего с ними вое-

вать? Пусть себе крутятся, мне какое дело. Я сама по себе, и гордость моя при мне. А мельницы сами по себе.

– Странная ты, Лин...

– Стра-а-нная женщина, стра-а-анная, бу-у-удто в оковы закована... – фальцетом пропела Лина, подражая голосу популярного когда-то певца. – Помнишь такую песню? Ее моя мама очень любила. Мы все, Смородины, очень странные женщины. Тем и гордимся. Давай работать, Кать...

Нахмутив бровки, Катя хмыкнула. Осудила ее, наверное. За отсутствие чувства униженного достоинства. Молодая еще потому что. Не понимает еще, что достоинство унижить нельзя. Если оно есть и чувствует себя хорошо и свободно. Вот если оно болезненное и хлипкое, тогда конечно. Тогда можно и унижить.

А настроение Леночка Эрастовна ей таки подпортила, ничего не попишешь. Выхватила кусок из утренней подзарядки. Причем кусок порядочный. Как бы батарейка до конца дня не села, впереди еще Дина со Станиславой Васильевой...

* * *

– Здравствуйте, Лина, здравствуйте... А Диночка где?

Станислава Васильевна нетерпеливым жестом отодвинула ее от двери, выглянула в парадное, отобразив на лице недовольство пополам с радостным возбуждением. Она вообще

была в этом отношении мастерицей – умела изображать лицом все, что угодно.

– Где же она, не поняла? Я же совершенно отчетливо видела в окно, что ее машина подъехала!

– Она... Она не смогла к вам зайти, Станислава Васильевна. У нее дел много...

– Понятно. Да, мне все понятно, что ж.

Поджав губы и нервно дрогнув обвисшими брылками, старушка надменно прошествовала в кухню, встала у окна, уперев в подоконник сухие пальцы. «Сегодня, значит, на Дину весь вечер будет жаловаться. Про материнскую самоотдачу и дочернюю неблагодарность рассуждать будем», – глядя в ее сухую, с наметившимся загорбком спину подумала Лина, бухая пакеты на стол.

– А я телятину свежую купила, Станислава Васильевна! Котлеточки сделаем?

– Не хочу... Что мне ваши котлеточки? Дочернюю любовь ими не заменишь.

– Но у нее и правда времени было в обрез, Станислава Васильевна! В другой раз она обязательно к вам зайдет!

– Когда – в другой раз? – дернув плечом, капризно проговорила старушка. – Что это вы меня утешать взялись? Не нуждаюсь я ни в каком утешении! И вообще, что вы в этом понимаете, Лина? Вы женщина простая, вам моих чувств не понять. Когда отдаешь детям всю себя, без остатка, посвящаешь им жизнь, а в старости получаешь одну черную небла-

годарность... Нет, вы меня не поймете! И не говорите лучше ничего! Помолчите лучше!

Ладно. Помолчим. Вот продукты разберем пока. Знаем, что дальше будет. Сейчас ты, милая старушка, постоишь немного у окна, распихашь сладкую обиду по пунктам и параграфам, а потом из тебя польется, как из худого ведра, успевай только сочувственные междометия вставлять... Знаем, проходили. Уже сто раз про свои материнские подвиги рассказывала. Послушаем и в сто первый. Отработаем Динину зарплату.

– Знаете, мой муж, он... Он был очень жестокий человек. Когда я Диной забеременела, он запретил мне рожать. Ни-коленьке, нашему сыну, тогда пять лет было. Муж сказал – хватит... Но я все равно ее родила! Я знала, что муж в конце концов меня бросит, и все равно родила! Я знала, что это мой долг – отдать всю себя детям. Вы понимаете?

– Да, Станислава Васильевна. Понимаю.

– Нет, вы не понимаете! Вы как раз таки ничего не понимаете, Лина!

Развернувшись от окна, она окатила ее таким яростным взглядом, что пришлось поневоле втянуть голову в плечи и с тоскою посмотреть на аппетитно расположившиеся на столе продукты. Похоже, мирный совместный ужин на сегодня отменяется. Придется довольствоваться съеденными после обеда пирожками, которые притащила из кафе сердобольная Танька.

– Когда она родилась, я практически на себе крест поставила. Да, представьте, меня как личности больше не существовало! Была одна только полная самоотдача – все, все для детей. Я принадлежала им полностью, я была в курсе всех событий их маленькой жизни. Они и шагу не могли ступить без меня. Да если б можно было, я бы и за партой с ними в школе сидела... Жили как единый организм, как единое целое. Николенька, Дина и я... Никаких тайн меж нами, полное всепоглощающее доверие к матери, к ее любви. А потом... Я до сих пор не понимаю, как это произошло, но вдруг они начали отдаляться. Такие дикие ссоры были, непонимание, эгоизм. Дина оказалась страшной, просто страшной эгоисткой! До сих пор не понимаю – откуда в ней это?

Выдохшись, Станислава Васильевна тяжело опустилась на стул, помолчала, потом ткнула рукой в пакет с овощами, отодвинула его от себя брезгливо.

– Что это, Лина?

– Это помидоры, огурцы парниковые. Вон там еще редиска есть. Я думала, мы салатик сделаем. Вы давеча просили овощей для салатика купить, помните?

– Да? Не помню... Уберите, уберите все это немедленно. У меня аппетит пропал. А впрочем, делайте что хотите. Мне все равно. Лучше бы я от голода умерла, чем так... Или она думает, что я вместо дочерней любви буду довольствоваться овощами?

– Хорошо. Я уберу.

– Какая же вы все-таки равнодушная женщина, Лина... Вы же сами мать! Неужели вы меня не понимаете?

– Понимаю, Станислава Васильевна.

– Нет, не понимаете. Никто не может понять... Это так страшно, когда материнская любовь становится невосребованной, ненужной. Так страшно, когда в тебе ничего нет, кроме самоотдачи, а детям она не нужна...

Прерывисто вздохнув, Станислава Васильевна закатила глаза к потолку, готовясь вроде как всплакнуть. Только не заплачет – она это точно знала. Можно и не суетиться. Потому что теперь у нее по программе примеры из жизни должны пойти. Про полную самоотдачу.

– Помню, я как-то с высокой температурой слегла, и Дине пришлось самостоятельно уроки делать. Таки что вы думаете? Я просыпаюсь ночью, будто от удушья, кое-как поднимаюсь с постели и плетусь проверять ее тетради... Долг материнский сработал, понимаете? Чуть в обморок не падаю, но иду! Я всегда все у нее проверяла – и тетради, и дневники, и личные записочки всякие. Однажды она умудрилась в матрац свой личный дневничок зашить – так я нашла! С него-то все и началось...

Так. Теперь можно немного расслабиться – эту историю она уже знает. Про дневник – это надолго. Не забыть бы только внимательность на лице сохранить, а так... Можно и своим мыслям отдаться. Интересно, Женька уже дома или нет? Опять, наверное, с Денисом в загул ушла. Надо бы этого Де-

ниса как-то в дом затащить, посмотреть, что за парень. Может, в выходной? Она бы обед приготовила...

— ...И она мне вдруг заявляет, что у нее должна быть своя неприкосновенная личная жизнь! Это от кого неприкосновенная? От матери, что ли? — продолжала бушевать большими воспоминаниями Станислава Васильевна.

Сдвинув брови и сочувственно покачав головой, она вдруг ясно вспомнила свой первый разговор с Диной, тот самый, в котором женщина, пытаясь рассказать о странностях своих взаимоотношений с матерью, вдруг разоткровенничалась:

— ...Нет, вы не думайте, что я мать совсем не люблю. Люблю, конечно. Но... часто видеть ее не могу. Потому и вас на такую немного странную работу нанимаю. Вы чужой человек, вам легче. Пришли, выслушали, ушли. А я проведу с ней пятнадцать минут, и все внутри звенеть начинает. Не могу! С детства не могу. Знаете, это на болото похоже. Оно тебя поглощает, а ты барахтаешься, барахтаешься изо всех сил... Только расслабишься, а оно опять — чмок! — и норовит тебя внутрь втянуть. Как сказал один мой знакомый — если хочешь сделать свою маму счастливой, стань идиоткой. Она поместит тебя в психушку, окружит заботой и будет кормить манной кашей, собирая ее с подбородка и запихивая ложкой в рот...

— ...Неужели она думает, я ей зла хочу? Разве материнская любовь — это зло? — вывел ее из задумчивости к потолку

взвившийся старухин раздраженный голосок. – Вот скажите, это зло, по-вашему?

– Нет. Не зло.

– Ну вот! А она этого никогда понять не сможет! Жестокая, бессердечная эгоистка! До сих пор не понимаю, что я упустила в ее воспитании, как так получилось...

Да уж, дорогая Станислава Васильевна. Ты не знаешь, а я знаю. Был, был однажды благодатный момент, который ты при всей своей бдительности проворонила. Мне Дина сама про этот момент рассказывала...

– ...А однажды мы пошли с мамой в магазин – сережки мне покупать на пятидесятилетие. Стоим у прилавка, продавщица нам товар показывает, мама берет разные серьги, к моим ушам прикладывает. Выбирает, прикидывает, сосредоточилась вся. Потом как-то отвлеклась на разговор с продавщицей, и вдруг я слышу над ухом – девочка, очнись, ты что делаешь? Я поворачиваю голову – мужик стоит. С виду простенький, обыкновенный, но глаза умные. Долго он на меня смотрел, будто гипнотизировал. Потом опять говорит – очнись! Попробуй сейчас в зеркало смотреть, а не на маму! Жизнь – твоя, сережки носить – тебе. Если сейчас первый шаг не сделаешь, потом поздно будет. Меня тогда будто перевернуло всю! Взяла я первые попавшиеся сережки и к зеркалу подошла. Сама. Мама что-то говорит за моей спиной, а я уже будто не слышу. Интересно, что это за мужик такой был? Увидела бы сейчас – в ножки бы поклонилась... –

...Она просто ужасно, ужасно себя повела! Хамить начала, своевольничать, все делала наперекор мне! И на Николеньку тоже нехорошо повлияла. Когда женился, даже мне не сказал... – продолжала меж тем свой грустный монолог Станислава Васильевна. – Представляете, я даже детей Николеньки, своих внуков, никогда не видела! Они в Бостоне живут, ни разу меня к себе в гости не позвали! И Дина тоже к себе в дом не пускает. У меня зять, между прочим, богатый человек, у него дом огромный. Что, мне бы там не нашлось места? Рядом с собственной дочерью? Нет, не нужна мать стала. Никому не нужна! Всю себя отдала, а теперь не нужна! Пусть подыхает с голоду!

– Ну, зря вы так, Станислава Васильевна... Какой голод? У вас же все абсолютно есть, и квартира такая хорошая...

Черт, черт ее дернул за язык, зачем выскочила со своим комментарием? Зачем против правил пошла – не высываться? Сидела же тихо, рожицы внимательные, сочувственные строила, работу свою исполняла. И вдруг – такой прокол. Устала, наверное. Да и голод – не тетка. Надо бы как-то сегодня пораньше закруглиться, взять инициативу в свои руки. Может, в бедную завистливую овечку поиграть, потешить старушку благоговением? Иногда это хорошо срабатывает.

– Нет, и впрямь такая уж замечательная у вас квартира, Станислава Васильевна... – опередив дальнейший старухин монолог, быстро проговорила она. – Мечта, а не квартира!

Мне такая и во сне не снилась, и мечтать не смею... Если б не вы, я бы даже и не знала, как люди по-настоящему живут!

Старуха, остановившись на гневливом полувдохе, свела к переносью тонкие бровки, глянула на нее озадаченно, будто пробуя на вкус предложенное благоговение. И вдруг улыбнулась и сразу обмякла вся, плеснула из глаз сытым самодовольством.

– Да что вы говорите, Линочка? В самом деле? – расслабленно откинулась она на спинку стула. – А я вот даже и не замечаю, привыкла уже к комфорту... А вообще – да, вы правы. Живешь вот так и не знаешь, что твоя жизнь является для кого-то недостижимой мечтой... А может, чаю попьем, Линочка?

– Да нет, спасибо, поздно уже. Я пойду, наверное.

– Постойте... А как же котлетки? Мы же хотели сегодня котлетки сделать!

– А давайте завтра! И чай, и котлетки – завтра. Что-то на меня усталость такая сегодня навалилась, просто сил нет.

– Ну хорошо... Идите, что ж. Я тоже немного устала. Пойду прилягу, пожалуй. Провожать не буду, дверь сами закроете.

Ура, свобода! Скорее, скорее на воздух, на улицу! Даже и лифта можно не ждать. Уфф...

Выйдя из подъезда, она остановилась, вдыхая в себя аромат июньского вечера. Голова кружилась, слегка подташнивало. Требуха старухиногo раздражения откровенно проси-

лась наружу, и пришлось произвести отчаянное судорожно-глотательное движение, вдохнуть новую порцию свежего воздуха. Ничего, через пять минут пройдет. Сейчас она сядет в маршрутку, проедет сорок минут до дома и – спать. Трудный, трудный денек выдался. Особенно Станиславу сегодня несло, так и брызгала кипящим оловом раздражения. Зато порядочную порцию из себя выбросила, стало быть, завтра уже спокойнее дело пойдет. Завтра и чаю попьют, и котлеток нажарят. Завтра она о болезненном, о материнском уже точно не вспомнит. Перегорела.

Вот и маршрутка быстро подрулила, приглашающе распахнулась автоматической дверцей. И местечко свободное выискалось, аккуратно у окна. Можно на целых сорок минут расслабиться, бездумно в окно посмотреть. Можно и книжку почитать, конечно, лежит где-то в сумочке легкий дамский романчик, да только голодный желудок наверняка этого удовольствия не позволит. Не лезет в голову беззаботная беллетристика, не усваивается, когда в желудке урчит.

Вечерний город плыл за окном летучей картинкой, перемежаясь редкими остановками. Водитель попался довольно лихой, ловко вплывал в зеленую светофорную полосу, благо пробки к позднему вечернему часу уже рассосались. Если б не голодный желудок, даже и удовольствие можно получить от такой езды. Эх, птица-тройка, черт возьми, как же есть хочется! Где-то в сумке шоколадка завалилась, погрызть, что ли?

Склонив голову, она заглянула в недра своей сумки, больше похожей на хозяйственную котомку, чем на приятный дамский аксессуар. И тут же чуть не ткнулась лбом в спинку переднего сиденья – маршрутка, взвизгнув, резко остановилась.

– Э! Полегче! Не дрова везешь! – недовольно проворчал сзади крепкий прокуренный мужской голос.

– Видишь, человек стоит, голосует, всем ехать надо... – негромко пробурчал водитель, открывая дверь. – Ты сел и едешь и другим ехать дай...

В салон, согнувшись в три погибели, неловко вошел высокий мужчина, огляделся растеряннo. Даже, можно сказать, слишком растеряннo. Шагнул вперед, плюхнулся на сиденье рядом с ней, спросил тихо:

– Я до Пушкинской доберусь, как вы думаете?

– Да, конечно, через пять остановок будет Пушкинская, – вежливо кивнула она, снова предприняв попытку разыскать в сумке несчастную шоколадку.

– Хорошо... – отчего-то тяжело вздохнул мужчина, неловко повозившись на сиденье.

Он, мужчина, вообще был какой-то... странный. Нет, внешне с ним все было в порядке, конечно. Даже слишком в порядке. Неброский, но очень дорогой костюм, присутствие явной ухоженности на лице, несколько салонной даже. И – запах! Умопомрачительный запах дорогого одеколona, показавшийся нагло чужеродным в замызганном салоне марш-

рутки. Запах моментально окутал все пространство, и до водителя, наверное, доплыл, судя по его раздраженному оклику:

– Вновь вошедших прошу заплатить за проезд!

– А сколько стоит проезд? – снова наклонился мужчина к ее уху.

– Двадцать рублей.

– Ага. Двадцать рублей. А что со мной будет, если у меня нет на данный момент двадцати руб лей?

– Прошу вновь вошедших передать за проезд! – уже более раздраженно проскрипел водитель. – Что за дела, в самом деле? Мужик, ты платить будешь? Или плати, или выходи!

– Вы меня извините, дорогой, но так получилось, что у меня денег с собой нет... – вытянув шею, громко проговорил в напряженную спину водителя странный «вновь вошедший». – Так уж получилось, извините.

– Ни фиги себе! – хрипло заржал сзади молодой голос. – На фирменный костюмчик да на бабские духи, стало быть, есть деньги, а за проезд заплатить – нету?

– Понимаете, у меня сейчас машину угнали... – чуть повернул назад голову мужчина и улыбнулся так, будто сообщил о чем-то очень забавном, – а там все было, и деньги, и телефон. Заскочил к приятелю, машину у подъезда оставил, а приятеля дома не оказалось. Вышел – и машины нет. Гол как сокол. Просил у прохожих телефон позвонить – не дали. Не пешком же мне идти, а? Что делать-то было?

– Так голоснул бы, до дома доехал да рассчитался! – злобно присоветовал уже другой голос, старческий.

– Так я и голоснул... Вы и остановились... Я и сам не знаю, зачем я к вам сел. От огорчения, наверное. Вы правы, надо было такси дожидаться.

– Ну ты! Платить за проезд будешь или нет? Или плати, или проваливай! Я сейчас машину остановлю! – грозно предупредил водитель, и впрямь сбрасывая скорость и норовя подъехать к тротуарной бровке.

– Что ж делать, придется проваливать... – вздохнул странный пассажир, снова весело улыбнувшись. – Чего ж вы такие злые-то, люди? Добрее друг к другу надо быть. Добрее.

– А ты в другой раз держи в дорогом пиджаке пару червонцев, мужик! – снова весело заржал молодой голос. – Мы здесь люди простые, мы машин не имеем, зато два червонца на маршрутку заработали! А ты давай, пешком потопай, тебе полезно будет!

– Да уж... Наши люди в булочную на такси не ездят... – насмешливо, но вроде как и совсем не обидно проговорил пассажир, поднимаясь с места. – Счастливого вам пути, граждане...

– Пойдите! Пойдите, мужчина! Сядьте, я за вас заплачу! Черт его знает, почему ей такая простая мысль сразу не пришла в голову? Подумаешь, двадцать рублей, делов-то. Наверное, запах дорогого одеколona ее обворожил. Быстро вытянув из подвернувшегося под руку кошелька две десят-

ки, она протянула их впереди сидящим пассажирам:

– Передайте за проезд, пожалуйста!

– Эх, повезло тебе, мужик! – никак не мог успокоиться обладатель наглого молодого голоса. – Ишь, на благородную дамочку нарвался! А то бы прошелся пару километров вприсядочку да в дорогих ботиночках, а?

Водитель, раздраженно цапнув свои законные десятирублевки, живенько отрулил от тротуара, ворча что-то себе под нос. Наверное, тоже про присядочку и про дорогие ботиночки. Снова склонившись к ее уху, странный пассажир произнес уже без прежней насмешливости:

– Ну что вы... Не стоило, наверное. Я бы вышел, такси поймал. Теперь даже и неловко как-то. Ни разу в жизни за меня женщина не платила, альфонсом себя чувствую.

– Да бросьте! – легко отмахнулась она от него. – Мелочи какие!

– Ну, это как посмотреть... Вам, может, и мелочи. А вдруг для меня это принципиально?

– Чего – принципиально? Двадцать рублей? Не смешите. Скажите мне спасибо, и хватит.

– Ах да... Спасибо, конечно. Только «спасибом» принципы не накормишь. А вдруг они меня грызть начнут, а? Ущемленные-то принципы?

Она подняла на него глаза – он не шутил. Абсолютно серьезные были у него глаза. Умные. Жестковатые. Немного самонадеянные. И лицо – как из журнальной картинки. Или

из телевизора. Явно не молодое, но очень по-мужички ухоженное. Седина на висках, жесткие складки щек, волевой квадратный подбородок. И – запах...

– Давайте мы с вами так поступим... Напишите-ка мне ваш телефон на бумажке. У вас найдется ручка с бумажкой? Вам завтра позвонят, и вы скажете, куда долг принести.

– Да ну... Не надо. Зачем?

– Так найдется ручка с бумажкой? Или мне у пассажиров попросить?

– Найдется, найдется... – вздохнув, снова закопошилась она в своей сумке, – найдется, если вы так настаиваете.

В кармашке сумки нашелся клочок какой-то квитанции, в косметичке – старый карандаш. Нацарапав на клочке номер своего мобильного, она протянула его мужчине, пожав плечами. Надо же, странный какой! Наверняка тут же посеет его где-нибудь. Вон как небрежно сунул клочок во внутренний карман пиджака.

– Следующая остановка – Пушкинская. Подъезжаем уже. Вам же на Пушкинскую надо было? – вежливо улыбнувшись, спросила она.

– Да. Спасибо. Спасибо вам, добрая женщина.

Встав с места, он улыбнулся, неловко заторопился к уже открывшейся двери. Выходя, замешкался на неудобных ступенях, слегка ударившись лбом о притолоку. Нет, совсем не умеет в маршрутках ездить, бедолага. Все-таки интересно, кто он? Высокий чиновник? Депутат? Бизнесмен? Владелец

домов и заводов, газет, пароходов?

Задумавшись, она чуть не проехала свою остановку. Торопливо выстукивая каблуками, прошла вдоль темных домов, юркнула в родной подъезд. Дома, слава богу. Женька уже спит, наверное. По крайней мере, в окнах было темно, когда мимо проходила. Или опять ее дома нет?

В прихожей горел свет. На полу, притулившись друг к другу, стояли Женькины босоножки, а рядом... И помыслить страшно, что она увидела рядом с ними! Мужские ботинки! Или как там их еще называют? Туфли, мокасины?! Боже, да какая разница, как их там называют! Главное – стоят, сволочи...

Осторожно обойдя их стороной, она на цыпочках прокрадлась на кухню. Нет, почему на цыпочках-то? Как в чужом доме. Что вообще происходит, в самом деле?

– Мам... Ты чего так рано?

В дверях кухни стояла Женька, щурилась от яркого света. Всклокоченная, в кое-как запахнутом халатике.

– Жень! Ты не одна, что ли?

Какой голос получился испуганный. Тоже, строгая мамаша нашлась.

Переступив босыми ногами, Женька пожала плечами, глянула на нее немного смущенно, немного насмешливо.

– Ой, да ладно тебе, мам. Я уже большая девочка. И... чего ты так рано-то?

– Почему – рано? Половина двенадцатого, между прочим.

– Да-а-а?.. Это что, мы проспали, что ли?

– Выходит, проспали. Давай веди сюда своего проспавшего, чай пить будем. Я голодная как черт.

– Ага, сейчас...

Тихонько хохотнув, она развернулась, прошлепала в свою комнату. Вскоре и оттуда уже раздалось неловкое шумливое хихиканье, и здоровенная тень в джинсах прошмыгнула в ванную, заполоскалась под душем. Пришлось плотно закрыть дверь на кухню, чтобы не смущать ее, джинсовую тень, когда из ванной выходить будет.

Так, значит, чай пить будем. А что у нас есть к чаю? А ничего нет. Бутербродами обойдемся. С колбасой, с сыром, с заморской кабачковой икрой. Или в приличных домах не едят нынче кабачковую икру?

Ладно. Тогда хоть приличные чашки поставим, из бабушкиного сервиза. Бабушка, помнится, этим сервизом очень гордилась, даже название произносила с вежливым придыханием – «Мадонна»... И близко подходить к нему не давала, можно было только издали любоваться на роскошество переливчатых картинок. Хотя она, маленькая, и умудрилась-таки грохнула одну из чашек, полезши зачем-то на полку допотопной стенки, где этот сервиз всегда возлежал с достоинством барина, случайно попавшего в холопскую избу. У бабушки после разбитой чашки чуть инфаркт не случился! Мама потом ей выговаривала – зачем, мол, ребенка пугаешь. Подумаешь, чашка, горе какое! А для бабушки и впрямь бы-

ло горе. Вот времена были! Зато сейчас... Бабушки давно на свете нет, а пять оставшихся чашек спрятаны в дальний угол кухонного шкафа, как не востребуемые. Неудобно из них оказалось чай пить. Да и вообще... Ну их, эти чашки! Что за смешной парад, в самом деле?

Заваривая чай и накрывая на стол, она и сама не заметила, как уплела все бутерброды. Надо нарезать новые. Вон и юные любовнички уже идут, кажется...

– Мам, познакомься, это Денис! – торжественно представила ей Женька переминающегося в дверях высокого парня с модной стрижкой ежиком.

Ничего, красивый. Косая сажень в плечах, крепкая шея, взгляд открытый, хоть и смущенный. Улыбнулся, руку протянул для знакомства. И рука хорошая, ладонь мягкая, но не рыхлая. Вот, значит, из кого нынче чиновников делают. Не из мозгляков-очкариков, а из таких вот улыбчивых здоровяков. Даже где-то и обнадеживает.

– А это моя мама, Марина Васильевна, – торжественно представила ее Женька. – Только ее Мариной никто не зовет. Вообще-то она Лина. Зови ее Линой Васильевной, так проще будет.

– Очень приятно, Лина Васильевна.

– Взаимно, Денис. Ну что ж, садитесь, чай пить будем.

– Наверное, поздно уже? Может, в другой раз?

– Ну что вы, Денис! Нисколько не поздно. Садитесь, не стесняйтесь! Вот бутерброды, пожалуйста. Вы ведь, навер-

ное, проголодались?

Так, похоже, что-то лишнее ляпнула. Вон как парочка старательно в себя улыбки запрятала. Интересно, что она такого смешного сказала? А, ну да... Вроде того – перетрудились-проголодались...

Дальше чаепитие пошло в некоторой неловкости. Надо бы мало-мальский диалог обозначить, да только какой? Не о планах же на жизнь этого парня спрашивать. Еще подумает ненароком, что она в тещи набивается.

– Вы на каком курсе учитесь, Денис?

– Четвертый заканчиваю. До диплома год остается. Со всем скоро буду полностью самостоятельным.

Ишь, как оттарабанил, будто отчет дал. А лоб-то, лоб как нахмурил! И губу прикусил, и чашку от себя отодвинул! И Женька тоже – смотрит на него, замерла будто.

– Лина Васильевна, я... В общем, я поговорить с вами хотел. Не знаю, с чего начать только.

– Ой, не пугайте меня, Денис...

– В общем, я люблю вашу дочь. Женю то есть люблю. И... И она меня тоже любит. И мы скоро поженимся, наверное.

Вот это да! Что называется, приплыли! А как на такие заявления потенциальные тещи реагируют, интересно? Может, слезу умиления пускают? Или в позу встают – не отдам, мол, свое родное дитяtko? И молчать вроде как нельзя, нехорошо получается.

– Так поженимся или наверное? – спросила первое, что

взбрело в голову.

– Что? – испуганно поднял на нее глаза Денис.

– Ну, вы сказали – поженимся, наверное...

– А! Ну да. Извините, я просто очень волнуюсь. Конечно, поженимся. Без намерения.

– Мам! Ну что ты его с толку сбиваешь? Не мешай. Пусть дальше говорит... – с радостной насмешливостью пропела Женька, коротко погладив парня по плечу.

Он тут же развернулся к ней всем корпусом, задрожал губами, пряча быющую через край улыбку. Спросил тихо:

– А что еще надо сказать, Жек? Вроде я все сказал...

– Ну, я не знаю... – задумчиво протянула Женька, уперев щеку в тощий кулачок. – Наверное, надо пообещать, что ты меня всю жизнь любить будешь, на руках носить будешь... Откуда я знаю, что еще надо говорить? У меня опыта предложения руки и сердца нет!

– Скажите, Денис... – несколько нервно сцепив пальцы, тихо проговорила Лина, – а родители ваши... Они в курсе вообще ваших планов?

Он поднял на нее глаза, посмотрел несколько удивленно. Было в этом удивлении и еще что-то, похожее на короткое смущение, будто она бог весть о чем спросила.

– Нет, Лина Васильевна. Они... не в курсе. Они сейчас в отпуске, на Бали отдыхают. Через три дня прилетят.

– Бали – это Индонезия, да?

– Ну да... – коротко пожал он плечами.

– Далековато...

– Да нормально. Они любят на Бали отдыхать.

– Значит, они прилетят, и вы сразу объявите о своем решении?

– Мам! Ну чего ты на него давишь! Тебе что, поскорее меня с рук сбить хочется? – насмешливо проговорила Женька, подмигнув Денису.

– Да я не давлю, упаси бог... – махнула она рукой. – Просто... Это же очень серьезный шаг, сама понимаешь! Родители по меньшей мере должны быть в курсе.

– Ну и будут они в курсе! Днем раньше, днем позже, подумаешь! – легкомысленно пропела Женька.

– Да. Я обязательно им Женю представлю, когда прилетят. И... И все им скажу... – решительно кивнул Денис, но тут же будто и сник. Пробежала по лицу короткая тень смятения и спряталась за полуулыбкой.

– Да все будет нормально, мам! Не переживай!

Женька опрокинула в себя одним глотком остывший чай, со стуком поставила чашку на блюдце. Глянув на Дениса, без обиняков спросила:

– Ты ночевать у нас останешься или домой поедешь?

– Домой, – как-то слишком уж быстро проговорил парень. – Мне с утра в институт надо, а от вас далеко добираться. Да и вообще поздно уже. Лине Васильевне отдыхать надо. Пойду я, Жек...

– Ну что ж, тогда вали. Завтра созвонимся, – встала из-за

стола Женька, оправляя полу халатика.

– Спасибо за чай, Лина Васильевна! Очень было приятно познакомиться! – в неловком поклоне согнул шею Денис, поднимаясь из-за стола.

– Да. И мне. Тоже очень приятно.

Из прихожей так долго доносилось их шушуканье, прерываемое короткой возней и счастливым Женькиным хохотом, что она успела всю посуду перемыть. Голова ныла тяжестью, тело усталостью, но спать расхотелось. Какое тут спать, когда такое событие на глазах совершается! Дочь замуж собралась! Можно сказать, генетический код ломается! Да и то – хватит уж им, женщинам Смородиным, тянуть на своем горбу треклятое материнство-одинокчество. Пусть хоть у Женькиных детей отец будет. Красивый, настоящий, породистый.

– Мам... Ну как он тебе?

От Женькиного раздавшегося за спиной голоса она вздрогнула, повернулась от мойки. Вместе с хорошими мыслями и повернулась, в которых только что плавала.

– Хороший парень, Жень. Очень понравился.

– А чего ты так улыбаешься?

– Как?

– Ну... Будто это тебе предложение сделали, а не мне.

– Да просто радуюсь за тебя, глупая!

– А... Ну, тогда ладно.

– Только знаешь, Жень... Мне показалось, что он вроде

того... не совсем в своем предложении уверен. По-моему, он боится родителям сказать.

– Ну, побоится и перестанет.

– А кто у него родители, Жень?

– Точно не знаю, он мало что о них рассказывал. Папа вроде каким-то начальником в палате недвижимости работает, а мама... Про маму совсем ничего не знаю.

– В палате недвижимости, говоришь? А какая у папы фамилия?

– Такая же, как у Дениса. Горохов. А что, ты его знаешь?

– Да. Слышала. А может, это и не тот Горохов, о котором я слышала. Знаешь, фамилии начальственных чиновников всегда будто обезличены. Видишь фамилию на бумаге и представить не можешь, что за ней живой человек стоит. Значит, ты у нас будешь потом Горохова?

– Ага. Горохова. Ой, а как звучит некрасиво, слышишь? Евгения Горохова! Г-г-г! Сплошной гусиный гогот получается!

– Хм... По-моему, ничего, вполне нормально. Звонко звучит. А скажи-ка мне, госпожа Горохова, ты зачет наконец спихнула или нет?

– Да спихнула, спихнула, слава богу.

– Ну и ладно. И молодец. И все-таки, Жень... Странно все-таки, что Денис тебя со своими родителями не знакомил... Наверное, это неправильно как-то?

– Мам... Да откуда ты знаешь, как правильно, а как непра-

вильно? Сама-то ты, насколько я понимаю, и близко замуж никогда не выходила? Рассказала мне историю про погибшего жениха, на том и ограничилась. Банальную, можно сказать, историю. А ведь наверняка, я думаю, мой биологический папочка где-то живехонький-здоровехонький землю топчет! Что, не так, скажешь?

— ...

— Ой, прости... Прости, мам... Я тебя обидела, да? Ну прости, сама не знаю, как вырвалось! Это у меня от счастья все мозги напрочь отшибло, вот и брякнула не подумавши... Прости, пожалуйста!

— Ладно, Жень. Все нормально. Я не обижаюсь.

— Ма-а-ам...

— Все, пойдем спать! Мне завтра вставать рано.

— Честно, не обижаешься?

— Честно. Чего я буду на тебя обижаться? Ты же знаешь, я вообще этого чувства не люблю. А на родную дочку так и тем более не могу обижаться.

— Я очень, очень тебя люблю, мамочка...

— И я тебя, Женюр. Все, все у нас хорошо. Пойдем спать, а то я сейчас носом в стол клюну!

Она и впрямь думала – уснет сразу, как голова коснется подушки. Да только не тут-то было. Выплыла из дальней дали давно забытая боль, нелепая сроком давности. Даже и болью в полном смысле слова ее назвать было нельзя. Так, воспоминание. Нытье старой раны от приключившейся непого-

ды.

А в самом деле, что стало потом с этим парнем, Женькиным биологическим отцом? Вот бы узнать... Просто так, из спортивного интереса? Хотя это сейчас интерес просто спортивным остался, а тогда, двадцать лет назад, о-го-го какой интерес меж ними приключился! Встретились первый раз глазами, и понесло в любовь. Да, это была любовь, как бы на нее потом, при обнаружении последствий, ни клеветали насмерть перепуганные мама с бабушкой! Первая любовь, юная и сумасшедшая. Что было, то было.

Все обстоятельства тогда их любви способствовали. Назывались эти обстоятельства – путевка в молодежный турлагерь «Кавказ». Целый месяц – горы, палатки, походы, песни под гитару, горящий веселым пламенем костер. И все они – молодые, веселые, приехавшие с разных концов страны, – веселились буйно, до изнеможения, орали в звездное небо, обнявшись: «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!»

Здорово, конечно. Кто спорит? Он был студент из политехнического, она даже и не запомнила толком из какого. То ли из Кировского, то ли из Свердловского. А может, вообще из Челябинского. Тогда это как-то несущественно было. Главное – любовь, взлетающая в ночное небо вместе с искрами от костра. И его рука на плече. И песня. И шепот в ухо – «Как здорово, что я тебя нашел, и навсегда, и больше никогда...»

В последний день, опять же у костра, тоже на ушко, в продолжение его «всегда и никогда», она тихо призналась в своих сомнениях относительно последствий их взаимного горячего чувства. Он склонил голову, долго глядел в глаза, улыбался счастливо: «Я скоро приеду к тебе, Малинка. Дай адрес и телефон. Я приеду...»

Конечно, ей следовало бы и его адрес да телефон попросить, так, на всякий случай. Если б умная да проницательная была – обязательно бы попросила. А только ни ума, ни проницательности у нее в голове на тот момент вовсе не было. Потому что зачем любви проницательность? Смешно даже.

Это потом ей уже ничуть смешно не было. Недоумение было, страх был, грусть была, а смеха не было. Беременная ходила – ждала, Женька родилась – ждала, потом еще несколько лет – все ждала. Потом и ждать перестала, просто жить начала. Иногда, правда, вспоминалось, мучило тоскливым сомнением – а с любовью-то что случилось? Любовь-то как же, куда ж она делась-то?

Все, все, спать надо! Не пропускать же два счастливых утренних часа из-за каких-то ненужных воспоминаний? Все! Завтра день начнется обычным порядком – чистое утро в окно, матушка-його, малина-смородина, кофе на подоконнике, жгучий-горячий, с пенкой, с кардамоном...

Рабочее утро, как всегда, выдалось хлопотливым. Даже и отвлекаться не хотелось на музыку мобильного, плаксиво

раздающуюся из недр сумки. Господи, ну кому там приспичило? И телефон высветился совсем незнакомый...

– Здравствуйте. Вас беспокоят из приемной Павла Сергеевича Жука, – пролился в ухо вежливый женский голос.

– Девушка, да ошиблись вы! Не знаю я никакого Жука! – немного раздраженно проговорила она, тут же намереваясь нажать на кнопку отбоя.

– Да? Но погодите... Павел Сергеевич просил меня передать вам конверт...

– Конверт? Какой конверт?

О господи, конверт! Как же она забыла про вчерашнее свое благородство в маршрутке! Значит, мужчина с дорогим одеколоном Жуком оказался. Хорошенькая, надо сказать, фамилия. И не просто Жуком, а Жуком-начальником. Впрочем, как оно и сразу предполагалось, еще там, в маршрутке.

– Простите, но я должна исполнить поручение Павла Сергеевича. Куда вам доставить конверт?

– Ну, я не знаю... Несите на работу, что ли...

– Диктуйте адрес, пожалуйста. Я записываю.

– Мельниковская, двадцать, офис тридцать два, бухгалтерия, спросить Лину.

– Спасибо. В течение часа курьер вам все доставит. Всего доброго.

– И вам того же... – проговорила она уже на фоне льющихся из трубки гудков отбоя.

Надо же – и впрямь принципиальный! Хотя и чего не побаловаться принципами, при наличии курьера да секретарши? У них, у богатых Жуков, свои причуды, наверное.

Конверт доставили ровно через полчаса. Симпатичный парень в бейсболке, вежливо поздоровавшись, торжественно возложил его на стол и тут же скрылся, будто и не было его. Надо же, и не запечатан даже. Хотя чего его запечатывать, ради двух несчастных десятирублевок?

Автоматически сунув руку в нутро конверта, она нащупала две бумажки, вытянула их на белый свет. И – опа! – своим глазам не поверила. Бумажки-то были стодолларовые! Новенькие, нигде не потертые, приятно шероховатые на ощупь. Он что, этот Жук-начальник, ошибся, что ли? Не из того кошелька достал?

Так она и сидела, разглядывая эти бумажки. Поначалу с недоумением, потом недоумение постепенно в возмущение переросло. Нет, чего это он себе позволяет, интересно? Она что, похожа на объект для благотворительности? Такая вся нищая и убогая, да? Сцапает сейчас эти бумажки себе в кошелек и будет осчастливлена на всю оставшуюся жизнь?

– Лин, что это у тебя там? Деньги? Зарплату дают, что ли? – вклинился в ее возмущенные мысли быстрый говорок пришедшей из курилки Кати Стоговой.

– Ага, размечталась... Когда это нам зарплату в долларах выдавали?

– А откуда они у тебя?

– Откуда, откуда! От верблюда.

– Ну чего ты злишься? Я же просто так спросила!

– Кать... Вот ты мне скажи – тебя мама с папой правилам приличия учили? Я ж тебя, к примеру, не спрашиваю, сколько у тебя сейчас денег в кошельке лежит?

– Так спроси! Я тебе и отвечу – ни шиша там не лежит! Откуда, если зарплата только через два дня намечается?

– Ой, ладно, Кать, все, проехали... Работай давай.

– Уже и спросить нельзя... – обиженно уставилась в свой монитор Катя, – подумаешь, цаца какая...

Раздраженно запихнув бумажки обратно в конверт, она отодвинула его от себя и тоже уставилась в компьютер, изо всех сил пытаясь сосредоточиться. Однако работа на ум не шла. Все какие-то дурацкие фразы в голове вспыхивали, будто в продолжение такого же дурацкого диалога. Да, цаца! Да, есть в ней этакое внутреннее чистоплюйство, и ничего с ним не поделаешь, не задушишь его, не убьешь! Да, жизнь тяжелая, и нет в ней больших радостей, но хотя бы собственное чистоплюйство она может себе позволить, в конце концов? Малюсенькое совсем чистоплюйство?

Может, конечно. В чем проблема-то? Надо просто вернуть доброму дяде-меценату его денежки, вот и все. Извините, мол, но мы не нищие. Нам, кроме собственного чистоплюйства, терять нечего.

Так, теперь возникает вопрос – как вернуть? Может, позвонить его секретарше, номер-то в мобильнике остался?

И... что она ей скажет? Извините-простите, верните курьера обратно? А она ей в ответ – тоже простите-извините, но я выполняю распоряжение начальника? И затеется диалог... Нет, ерунда какая.

Протянув руку, она придвинула к себе конверт, оглядела его со вниманием. Ага, в уголочке логотип есть. Открытое акционерное общество «Формат», значит. И адресок мелкими буквами приписан – Воздвиженский проспект, пятнадцать.

Так это же рядом совсем... После обеда аккуратно надо в банк ехать, вот она и попросит водителя заехать в этот самый «Формат». Нет, к самому дяденьке-меценату она на прием не пойдет конечно же. Просто у секретаря на столе конверт оставит и молча смоеется. Пусть она с этим конвертом что хочет, то и делает. Может, шефу передаст, может, себе на память оставит. Вполне возможно, что у нее с собственным чистоплюйством никаких проблем нет, все до остатка на «выполнение распоряжений начальника» потрачено.

Решив про себя проблему и легко вздохнув, она сунула конверт в сумку, чуть прогнувшись, распрямила спину и плавно повела плечами, стараясь свести лопатки. Тут же и усмехнулась, проникшись собственными произвольными телодвижениями – крылья проросли, что ли? И вообще, чего это она разбушевалась, будто пару миллионов только что гордо отвергла? Поскромнее надо быть, поскромнее, добрая женщина из маршрутки...

– Саш, давай на Воздвиженский проспект на пять секунд заскочим? У меня там дело есть! А потом – в банк!

Покладистый водитель Саша лишь кивнул – дело так дело. Поехали.

– А где на Воздвиженском? Номер дома какой?

– Пятнадцатый, кажется... погоди, сейчас посмотрю! Да, пятнадцатый...

– Так это вам в «Формат» надо, что ли?

– Да! А ты откуда этот «Формат» знаешь?

– Да кто ж его не знает! Крутая вообще-то фирма. Они строительством элитного жилья занимаются. И офис у них крутой, старинный такой особняк с балкончиками. Они его недавно отреставрировали – красота!

– погоди, погоди... Это тот особняк, что на набережную окнами выходит? С колоннами? Это он и есть?

– Ну да... Вы что, сами не знаете, куда едете?

– Да знаю, Саш, знаю... Просто сразу не сообразила. Прости.

– Так говорите, недолго там пробудете? А то у них стоянка вечно машинами забита. Потом не выехать.

– Две минуты, Саш! До приемной и обратно! Две минуты!

Выскочив из машины, она быстро направилась к белым колоннам, чувствуя себя Магометом перед горой. Или, наоборот, горой перед Магометом, кто у них там глупее-зловреднее был? А может статься, еще и охранники не пропустят...

Точно. Вырос в дверях добрый молодец, косая сажень в плечах, сам в костюмчике.

– Простите, вы к кому?

– Я ни к кому. Мне секретарю конверт передать надо.

Молодец оглядел ее с головы до ног, надо сказать, совсем не обидно. Просто прошмыгнул вежливым взглядом и тут же согнулся в полупоклоне:

– На второй этаж поднимитесь, пожалуйста, секретариат прямо по коридору.

Ох, красотища какая внутри! Все светлое, стильно натуральное и ненавязчиво кожаное. И воздух такой... будто после дождя. Интересно, как люди устраиваются на работу в такие офисы? По блату, наверное. По родству, по знакомству.

А секретарша оказалась на внешность так себе – вовсе не блондинка-красавица. Черная, как галка, с гладкими волосами, в очках. Ну да, это и правильно, наверное. Не впишется в такую стильную обстановку белокурость, пышногрудость и длинноногость. Где им. А вот эта черная галка – прекрасно вписалась. Взгляд тихий, спокойный, деловой. И голос такой же.

– Слушаю вас.

– Я... Вы мне звонили сегодня утром... Чтобы конверт передать...

– Да. Я звонила. А в чем, собственно, дело? Курьер отчитался, что...

– Да, да, он у меня был! Просто... Я хочу его обратно вер-

нуть. Конверт то есть. Вот, передайте, пожалуйста, вашему начальнику. Или директору, кто он там у вас...

Плюхнув на стол конверт, она быстро улыбнулась и посеменила к выходу, неловко переступая ногами в старых туфлях. Черт, надо было хоть туфли новые надеть, что ли! А то чувствуешь себя здесь как гипсовая баба с веслом на вернисаже. И никакого удовольствия от чистоплюйства нет.

– Ну что? Как там у них, внутри? – полюбопытствовал Саша, когда она плюхнулась рядом с ним на сиденье. – Клево, наверное?

– Ага. Клево. Поехали, в банк опаздываем!

Весь остаток дня ее не покидало странное ощущение пристыженности. Наверное, та Моська, которая на слона лаяла, такое же ощущение испытывала, когда опомнилась. Но, черт возьми, она же не Моська! И слона никто не просил высываться со своей щедростью! И все равно... Неприятно на душе было.

Зато Станислава Васильевна в этот вечер оказалась довольно покладистой, злобными словесами не маялась. Выплеснула вчера горячее олово гнева, а новое не накопилось еще. В этот вечер ее отчего-то на хвостовство потянуло.

– Если б вы знали, Лина, в каком обществе моя дочь встречается! Сплошные сливки, просто сплошные! Все-таки состоятельные люди – это особая человеческая порода. Состояние ко многому обязывает. Оно уже само по себе накладывает на человека печать как бы неприкасаемости, окутывает

флером избранности, недоступности... Как вы находите? Я права?

– Да, Станислава Васильевна, правы. Лук в котлеты класть или нет?

– Экая вы, Лина... простодушная! Я с вами о высоком, а вы – лук в котлеты! Право, нельзя же так!

– Извините, Станислава Васильевна. Так что вы там говорили про флер избранности?

– Нет, Лина, наверное, вы меня все-таки не понимаете... Нет в вас того, что в моей Дине есть. У нее, знаете, чувство устремления к избранности так развито, так развито! Это просто удивительно, как она в жизни всего добилась! Даже от любви сумела отказаться во имя... Чтобы стать... Чтобы...

– ...Войти в круг этих самых избранных?

– Да! Именно так! Тот, кого она любила, не имел хорошего жизненного потенциала. У него даже и жилья своего не было! Я, как мать, конечно, готова была к тому, что мы будем жить здесь, в этой квартире, все месте, одной семьей... Но Дина решила по-своему. Она сумела справиться со своим чувством и вышла замуж за другого, то есть за теперешнего своего мужа, Леонида, и нисколько не жалеет об этом. Она сама, своими руками построила себе достойную жизнь!

– А любовь – как же? Жалко ведь любовь-то, Станислава Васильевна...

– Ой, не говорите глупостей, Линочка! Любовь – чувство

замещающее.

– Да? И чем его, интересно, можно заместить?

– Ну, как вам сказать... Хотя бы удовольствием от жизни как таковой. У нее же свободной минуты нет! Она то в салоне, то на шопинге, то в тренажерном зале, то просто с подругами из своего круга общается... И это, надо сказать, особого рода общение! Согласитесь, когда женщины разговаривают меж собой не о пьяных мужьях и сковородках, в этом есть что-то особенное...

– А о чем они разговаривают? Неужели об искусстве?

Она и сама уловила в своем голосе некоторую насмешливость и тут же ругнула себя – зачем? Вовсе не нужна Станиславе ее насмешливость. Она от нее других эмоций жаждет. Искреннего восхищения, например. Благоговения. Или сермяжной зависти, на худой конец. Вон как губки сердито поджала, сейчас выплюнет из себя что-нибудь в ее адрес уничтожительное.

– Ах, да что с вами говорить, Линочка... Вам не дано воспарить, вы из другого материала сделаны. Слаще морковки не ели ничего...

– Кстати, о морковке, Станислава Васильевна! Давайте-ка я морковный сок вам сделаю! И для кишечника полезно, и для зрения.

– Сделайте, Линочка, сделайте... И впрямь чего это я перед вами бисер мечу...

Потеряв интерес к разговору, старушка откинулась на

спинку стула, задумчиво потеряла одну ладонь о другую. Звук получился сухой, пергаментный, неживой будто. Вдруг ее жалко стало – даже сердце защемило слегка. Бедная, бедная, чего ж ты мучаешься доказательствами своей «избранности», когда тебе о душе подумать пора? Там, наверху, доказательства не потребуются. Да и здесь, похоже, они никому не интересны, даже такие одержимые. Страшная все же штука – одержимость в доказательствах, не дает покоя душе даже и в старости. Хоть боком, хоть скоком, но непременно все должны проникнуться сопричастностью к «состоятельности»! Или как там бишь еще? К недоступности? К неприкасаемости? К флеру избранности?

– Ступайте, Линочка, домой, поздно уже. Устала я что-то сегодня. Тем более Дина мне скоро должна позвонить, рассказать, как она на вернисаж сходила... Она, знаете ли, очень часто звонит мне в последнее время. Мы часами с ней говорим, говорим... Говорим...

Подняв голову, старушка бросила в ее сторону быстрый взгляд – скорее испуганный, чем снисходительный. Пришлось быстро и радостно закивать – да, да, конечно же я понимаю! Да, конечно же Дина звонит! Очень часто! В последнее время! Конечно же я вся прониклась вашей избранностью, вернисажем и сопричастностью!

– Что ж, Станислава Васильевна, я пойду. Не буду вам мешать. До завтра.

– Да, вот еще что... Если Диночка вам вдруг позвонит...

Ну, вдруг! Мало ли! Вы ей скажите, что...

– Что, Станислава Васильевна?

– Да нет, ничего. Не надо ей ничего говорить. А впрочем... Нет, ничего не надо... Ступайте, Лина, ступайте...

Выйдя в ранние июньские сумерки, она медленно побрела к автобусной остановке, выталкивая из себя остаток грустных мыслей. Неблагодарное все-таки это занятие – быть свидетелем горьких чужих амбиций. Хотя почему ж неблагодарное-то, если судить по размеру вознаграждения? Как раз очень-таки благодарное...

Призывная трель мобильного позвала ее в свою жизнь, собственную. Женька, наверное, звонит. Ее дочка, обыкновенная, доступная и прикасаемая, лишенная флера избранности. Как хорошо-то, господи!

Однако телефон в окошке мобильного высветился совсем не Женькин, незнакомый какой-то. Кто это может быть, интересно?

– Здравствуйте, добрая женщина.

– Здравствуйте... Извините, а кто это?

– Неужели не узнали?

– Ах да... Вы, наверное, тот самый, из маршрутки... Павел Сергеевич Жук, да?

– Совершенно верно, тот самый Жук и есть. Что ж это вы себе позволяете, добрая женщина? Моей благодарностью за доброту пренебрегли...

– Стало быть, это благодарность была?

– Ну да, а что?

– А я разве давала согласие на... благодарность? Мы вроде только о двадцати рублях договаривались!

– Хм... Впервые слышу, что на благодарность надо получать разрешение...

– Ничего страшного. Все когда-нибудь узнается впервые.

– Так. Понятно. Значит, благодарность как таковую вы отвергаете. Интересно, интересно... Ну а хотя бы пресловутый долг я могу вам вернуть? Я тоже не давал согласия в ваших должниках жить!

– Ой, бросьте... Ну чего вы, в самом деле? Дались вам эти двадцать рублей! Что за история, ей-богу?

– Ну уж нет, уважаемая! Так дело не пойдет! Я хочу получить полный расчет, и немедленно!

– Это вы так шутите, да?

– Ничуть! С чего бы я стал с вами шутить? Говорите, где я могу вас найти?

– Что, прямо сейчас?

– Сию секунду. Немедленно.

– Сейчас я стою на остановке автобуса «Проф союзная», маршрутку жду...

– Вот и стойте там, не уходите! Сейчас я подъеду.

– А... долго ждать-то? Вон, кажется, моя маршрутка идет... Хотя нет, не моя, ошиблась...

– Десять минут вас устроит?

– Не знаю, наверное...

– Ждите!

Ох, какой безапелляционный тон – ждите, главное! Со-
всем ненормальный мужик. Зануда нечеловеческая. Дались
ему эти двадцать рублей, сколько хлопот с ними оказалось.
Вот уж воистину не делай добра...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.